Региональные торгово-промышленные палаты в государственной политике формирования социально ответственного бизнеса: правовое закрепление и прослеживаемые результаты

Боровский Марк Борисович
аспирант кафедры «История», ассистент АБП ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта» (РУТ (МИИТ)), mark.borovskiy.99@mail.ru.

В статье разбирается роль региональных торгово-промышленных палат в государственной политике формирования социально ответственного бизнеса. Формального права участвовать в подготовке и экспертизе нормативных актов здесь недостаточно. Оно ещё не показывает ни того, насколько широко представлен бизнес, ни того, влияет ли палата на решения власти. Поэтому ТПП рассматриваются как возможные посредники, а их результативность проверяется отдельно в каждом случае. Для этого используется двухмерная модель: внешнее признание палаты органами публичной власти сопоставляется с внутренней представительностью вырабатываемой позиции. Документы разделены на три уровня: наличие институционального канала, публично подтверждённая работа и прослеживаемый результат. На материалах Москвы, Свердловской области, Республики Татарстан и Краснодарского края за 2014–2025 гг. выделены четыре конфигурации участия и четыре формы документально подтверждаемого результата. Сила причинного вывода в этих случаях разная. Самым закрытым звеном остаётся внутреннее согласование интересов в палатах. В заключение предложены меры, способные сделать процедуры участия более представительными, прозрачными и проверяемыми.

Ключевые слова: торгово-промышленные палаты; политическое посредничество; функциональное представительство интересов; социально ответственный бизнес; оценка регулирующего воздействия; региональная политика; публичная подотчётность.

Введение

Социальная ответственность бизнеса в современной России давно уже не сводится к благотворительности и добровольным корпоративным проектам. От компаний всё чаще ждут участия в решении кадровых, социальных, инфраструктурных и экологических задач. Потом это участие ещё и публично оценивают. Так КСО оказывается частью политики. Речь идёт уже не только о поведении отдельной компании, но и о том, как государство, бизнес и территориальные сообщества делят между собой обязанности, издержки и репутационные выгоды [24].

Под политикой формирования социально ответственного бизнеса здесь понимается довольно широкий круг мер. Это обязательные требования, поддержка, раскрытие информации, закупочные и санкционные механизмы, а также процедуры обсуждения решений до их принятия. Именно в этих процедурах решается, какие издержки считать соразмерными, кому дать поддержку и по каким признакам оценивать добросовестность бизнеса. Публичные консультации, оценка регулирующего воздействия (ОРВ) и экспертиза действующих актов позволяют предпринимателям обозначить свою позицию [18]. Но высказаться — ещё не значит повлиять. Если мотивированного ответа нет, вся процедура легко остаётся формальностью.

Отсюда вопрос о посредниках. Крупная компания способна обращаться к власти напрямую: у неё есть экономический вес, свои эксперты, сложившиеся связи. У большинства субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП) этого нет. Ассоциация должна собрать разрозненные интересы, как-то согласовать их и уже затем предъявить власти общую позицию [20; 23]. Но слово «общая» здесь мало что доказывает. Важно, кто участвовал в обсуждении, кого не услышали и чьи интересы в итоге перевесили.

Торгово-промышленные палаты занимают здесь особое, местами двойственное положение. Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5340-I относит к их задачам представление и защиту законных интересов членов, разрешает участвовать в подготовке проектов нормативных актов и направлять экспертные заключения [1]. При этом ТПП — негосударственные некоммерческие организации. Их статус даёт возможность выступать политическим посредником. Но сам по себе он не доказывает ни полноты представительства бизнеса, ни реального влияния на решения публичной власти.

Такая постановка вопроса опирается на исследования отношений государства и организованных интересов. С.П. Перегудов, А.Ю. Зудин и А.А. Яковлев рассматривали бизнес-ассоциации как носителей организованных интересов и участников ресурсного обмена с государством [20; 22; 23]. Неокорпоративистский подход позволяет отделить обычные консультации от устойчивого, институционально оформленного посредничества [25]. Концепция политической КСО объясняет, почему участие бизнеса в управлении и легитимации публичных решений нельзя считать частным делом отдельных компаний [24]. Более новые работы уточняют инструменты корпоративной политической активности [19]. При этом сравнительных исследований региональных ТПП всё ещё заметно меньше, чем исследований федеральной палаты [21]. Особенно

плохо виден ключевой переход: каким образом внутренняя дискуссия предпринимателей становится позицией, которую власть не просто выслушала, а приняла в работу.

Цель статьи — сопоставить четыре региональных случая и понять, когда участие ТПП выходит за пределы обычного присутствия на совещаниях и начинает напоминать устойчивое политическое посредничество. Есть и второй, более узкий вопрос: что о результативности палат действительно можно доказать по открытым документам, а где выводы пока будут натянутыми.

Исследовательская гипотеза

Рабочая гипотеза включает пять элементов. ТПП выглядит более значимым посредником, когда у неё есть закреплённый доступ к процедуре; понятный порядок сбора и согласования интересов, включая отдельные форматы для МСП; аргументация с оценкой издержек и альтернатив; мотивированная реакция органа власти; обратная связь после принятия решения. Отсутствие одного элемента ещё не обнуляет посредническую функцию. Но чем меньше звеньев подтверждается, тем сложнее отличить устойчивое представительство от символического присутствия, обмена информацией или единичной активности.

Гипотеза проверяется с помощью модели из двух осей. Первая относится к внешнему признанию палаты: есть ли закреплённый доступ, насколько регулярно она участвует и фиксируется ли учёт её материалов. Вторая — к внутренней стороне: как собирается позиция, кто участвует в её выработке, предусмотрены ли отдельные каналы для МСП. Если власть признаёт палату, но круг представленных интересов узок, получается закрытое посредничество. Возможна и обратная ситуация: бизнес охвачен широко, но устойчивого доступа к принятию решений нет. Тогда интересы сформулированы, однако в решение они могут так и не попасть. Нужны обе характеристики. И даже при их наличии влияние следует проверять по судьбе конкретного предложения или заключения, а не по одному статусу палаты.

Есть и дополнительное предположение. Плотная институциональная среда не обязательно делает посредника сильнее. Советы, ассоциации и экспертные площадки дают бизнесу больше возможностей для участия, но одновременно размывают авторство результата. В какой-то момент уже трудно понять, чей именно вклад оказался решающим.

Методы и критерии доказанности

В работе использованы институциональный и сравнительный анализ, дизайн множественного исследования случаев [26], а также качественное изучение нормативных и судебных актов, документов органов власти и материалов торгово-промышленных палат. Все четыре случая разбирались по одному набору вопросов. Это было нужно прежде всего для сопоставимости, а уже затем — для выделения устойчивых конфигураций участия.

Москва, Свердловская область, Республика Татарстан и Краснодарский край выбраны как заведомо разные институциональные среды. В Москве особенно много каналов делового представительства. Свердловская область даёт материал об экспертной работе в крупном индустриальном регионе. Татарстан интересен сочетанием программной и межуровневой координации. Краснодарский край — связью регионального и муниципального уровней на неоднородной территории. Переносить выводы на все субъекты РФ нельзя: выборка для статистического обобщения не предназначена.

По каждому случаю задавались пять вопросов: как палата получает доступ к процедуре; какие группы предпринимателей могут быть представлены; где зафиксирована позиция бизнеса; можно ли понять, что сделали с предложениями; что происходит после принятия решения. Функции ТПП при этом разделялись на три группы. Представительская — выявить и свести интересы. Экспертно-процедурная — подготовить замечания и провести их через регуляторный цикл. Наконец, сопровождение и обратная связь: увидеть проблемы уже при применении решения. Властных, контрольных или надзорных полномочий такое сопровождение палатам, конечно, не даёт.

Документы оценивались по трём уровням. Первый — есть нормативно закреплённый канал участия. Второй — видно, что палата им на деле пользуется. Третий — прослеживается связь предложения или экспертного документа с изменением проекта, нормы, программы либо с другим юридически значимым решением. Но третий уровень ещё не означает доказанной причинности. Нужно знать хотя бы альтернативные позиции, мотивированный ответ и вклад других участников. Иначе результат есть, а авторство остаётся спорным.

Эмпирическую основу составили федеральные и региональные нормативные правовые акты, решения арбитражных судов, материалы региональных порталов регулирования и публичные документы палат. Основной период — 2014–2025 гг. Эти источники хорошо показывают правовой статус и внешнюю активность ТПП. Внутреннее согласование интересов и неформальные переговоры они почти не раскрывают. Поэтому исследование фиксирует наблюдаемые формы посредничества, а не вычисляет точный вклад палаты в каждое решение.

Сравнительные результаты

Первый результат сопоставления довольно неприятен для формальной отчётности: считать площадки и соглашения почти бессмысленно. Их число ничего не говорит о силе посредника. В Москве развитая инфраструктура участия бизнеса даже мешает выделить вклад одной организации. В Свердловской области рабочий маршрут палаты описан подробнее, и связь экспертной процедуры с последующим изменением нормативного акта видна лучше. Это не рейтинг палат. Просто доказательства в двух случаях устроены по-разному.

Убедительнее выглядят случаи, где по открытым документам можно восстановить весь маршрут: появилась проблема, были собраны позиции, подготовлено предложение, затем его рассмотрели и приняли решение. Соглашения, форумы и членство в совещательных органах показывают лишь наличие инфраструктуры. Пока дальнейшая судьба предложений неизвестна, выше второго уровня такие сведения не поднимаются. Межуровневая координация расширяет охват, но заодно ещё сильнее затрудняет вопрос об авторстве результата.

Самая закрытая часть — внутренняя представительность. Ни в одном из четырёх регионов открытые материалы не позволяют полностью восстановить согласование интересов и реальный баланс крупного бизнеса и МСП. Поэтому ассоциативный канал подтверждает возможность представительства, не его полноту. Внешнее признание палат видно почти везде. Что происходит внутри, видно плохо.

Выделены четыре конфигурации: столичная институционально насыщенная, индустриально-экспертная, программно-координационная и муниципально-территориальная. Выстраивать их в лестницу от слабой к сильной не стоит. Это разные способы соединить представительство, экспертизу и обратную связь. И у каждого свой изъян: конкуренция каналов, сужение круга представленных интересов, трудности с установлением вклада или раздробленная муниципальная обратная связь.

Разной оказалась и стадия, на которой возникает прослеживаемый результат. Москва даёт пример административного правоприменения, Свердловская область — изменения отраслевого регулирования, Татарстан — использования экспертного заключения судом, Краснодарский край — нормативного оформления самого канала участия. Всё это сведено в таблицу 1. Юридически значимый результат есть во всех четырёх случаях. Уверенность в самостоятельном вкладе палаты — разная.

Таблица 1
Конфигурации участия региональных ТПП и формы прослеживаемого результата

Регион	Конфигурация участия ТПП	Что подтверждено открытыми документами	Форма прослеживаемого результата
Москва	Столичная институционально насыщенная	Экспертная работа в городском регуляторном цикле; заключение МТПП рассмотрено УФАС и подробно изложено судом	Административно-правоприменительная
Свердловская область	Индустриально-экспертная	Описанный маршрут участия в ОРВ; изменение перечня импортозамещающей продукции после обращений палаты, при ограниченной публичности учёта предложений	Нормативно-отраслевая
Республика Татарстан	Программно-координационная	Соглашение с муниципальной ассоциацией; частично прослеживаемый цикл поддержки промпарков; заключение ТПП учтено при решении вопроса о неустойке	Судебно-экспертная
Краснодарский край	Муниципально-территориальная	Закон № 4400-КЗ закрепил формы участия палаты; региональный и муниципальный контуры ОРВ документированы с разной полнотой	Институционально-нормативная

Источник: составлено автором по материалам открытых источников, указанных в тексте.

Региональные случаи

Москва: посредничество в институционально насыщенной среде

Москва выделяется и сильными экспертными ресурсами городской администрации, и множеством каналов, через которые бизнес взаимодействует с властью. Официальный доклад за 2022 г. подтверждает работу процедур ОРВ и оценки фактического воздействия [9]. Но данные там агрегированы по всей городской системе. Отделить вклад МТПП от работы других объединений и экспертов по ним нельзя.

Масштаб собственной работы МТПП виден из итогов за 2024 г. Палата сообщила об обработке более 550 запросов на экспертное мнение; около 30 % касались регулирования Московского региона. К анализу привлекались более 30 общественных объединений и около 100 экспертов. По оценке самой палаты, свыше половины предложений учли полностью или частично [10]. Регулярность работы эти цифры показывают. Судьбу каждого предложения — нет: открытого реестра с мотивированными ответами не опубликовано. Поэтому массив относится ко второму уровню доказанности.

Намного показательнее дело о возможном включении ООО «ПРОМТЕХ» в реестр недобросовестных поставщиков. Московское УФАС России изучило правовое заключение МТПП от 11 октября 2024 г. № 03.08-2/2574. В нём поведение поставщика оценивалось с учётом исполнения договора, санкционных ограничений и мер по уменьшению ущерба. 28 октября 2024 г. антимонопольный орган отказался вносить сведения о компании в реестр. Заказчик пошёл в суд, но Арбитражный суд города Москвы 4 июня 2025 г. по делу № А40-314967/2024 отказал в иске, подробно изложил содержание заключения палаты и признал вывод УФАС законным [6].

В этом эпизоде палата не устанавливала правило и не осуществляла контроль. Она оформила фактическую ситуацию предпринимателя как экспертное заключение, которым затем воспользовался публичный орган. Проверялись добросовестность участника оборота и соразмерность возможного публично-правового последствия. Один спор показывает, что экспертно-процедурная функция МТПП может сработать. Но системное влияние палаты на нормативную политику Москвы из него не следует.

Свердловская область: экспертная процедура и изменение отраслевого регулирования

В Свердловской области основой служит региональная система ОРВ, закреплённая областным законом [2]. Уральская ТПП довольно подробно описывает свой порядок работы: отбирает значимые для членов проекты, уведомляет предпринимателей, помогает готовить замечания и направляет согласованную позицию разработчику либо в ТПП России. Палата участвует и в профильном координационном совете [11]. Здесь видна уже не просто запись в составе совещательного органа, а повторяемая экспертная работа.

Для темы социально ответственного бизнеса этот механизм важен не потому, что каждый проект ОРВ прямо касается КСО. Причина проще: именно в таких процедурах становятся видны регуляторные издержки, соразмерность новых обязанностей и доступ разных групп бизнеса к поддержке. Здесь палата может добиваться переходного периода, сокращения избыточной отчётности или отдельных условий для МСП.

В 2023 г. производители абразивных изделий попросили Уральскую ТПП помочь с включением продукции в региональный перечень, необходимый для импортозамещения. Попадание в перечень позволяло претендовать на государственный или муниципальный земельный участок в аренду без торгов. Палата направила обращения в профильные министерства, затем проект изменений обсуждался в процедуре ОРВ [12]. 30 ноября 2023 г. Правительство Свердловской области приняло постановление № 897-ПП и изменило перечень [5].

Цепочка здесь восстанавливается достаточно уверенно: отрасль обозначила проблему, палата оформила позицию, прошли межведомственное обсуждение и изменение перечня, после чего открылся доступ к мере поддержки. Это нормативно-отраслевая форма результата. Но сведения о роли палаты исходят в основном от неё самой. Протокол согласительного совещания и сводка предложений с мотивированным ответом разработчика не опубликованы. Поэтому маршрут и изменение нормы подтверждены, а исключительное авторство палаты — нет. К тому же эпизод относится прежде всего к промышленной политике. Для темы статьи он важен как пример превращения частного отраслевого запроса в публичное предложение о распределении поддержки.

Республика Татарстан: программная координация и судебное использование экспертизы

В Татарстане заметна развитая межуровневая инфраструктура. 4 марта 2021 г. ТПП Республики Татарстан и Ассоциация «Совет муниципальных образований Республики Татарстан» подписали соглашение о сотрудничестве; сообщение появилось 5 марта [14]. Связь с муници-

пальным уровнем действительно важна: именно там многие меры поддержки и обязательства бизнеса получают конкретное территориальное содержание. Но соглашение — это пока рамка. О результативности отдельных инициатив оно само по себе не говорит.

С программой развития промышленных парков всё менее определённо. На странице профильного комитета, размещённой на сайте ООО «Верное решение», сообщалось, что 29 января 2021 г. руководители муниципальных районов и управляющих компаний направили в Министерство экономики Республики Татарстан предложения по доработке концепции промышленных площадок [13]. Страница связана с работой комитета, но официальным сайтом ТПП РТ не является. Значит, опираться на неё можно лишь с оговоркой. В апреле 2021 г. республика приняла законы № 24-ЗРТ, 25-ЗРТ и 26-ЗРТ о налоговых льготах для субъектов МСП, использующих инфраструктуру промышленных парков в муниципальных районах [4]. Время и повестка совпадают, последовательность обсуждения угадывается. Авторство конкретных норм, однако, не подтверждено: нет официального ответа министерства и открытой таблицы учёта предложений. Эпизод остаётся на втором уровне доказанности.

Другой тип результата виден в деле № А65-14280/2024. Ответчик представил заключение ТПП Республики Татарстан от 11 июля 2024 г. № 2/693 о влиянии санкционных ограничений на исполнение договора. Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд оценил его вместе с другими доказательствами и 10 февраля 2025 г. отказал во взыскании 2 432 449,46 руб. неустойки [7]. 20 июня 2025 г. кассационный суд отменил постановление только в части отказа во взыскании 3 830 649,18 руб. предварительной оплаты и судебных расходов, направив эту часть на новое рассмотрение. Вывод о неустойке остался в силе. При новом рассмотрении 14 августа 2025 г. спорную предоплату взыскали [8]. Заключение палаты вошло в судебную мотивировку по вопросу об ответственности, но исход всего дела не определило. Это третий уровень: судебно проверенное использование экспертного документа. Самостоятельное причинное влияние ТПП этот случай всё же не доказывает.

Краснодарский край: нормативное оформление канала участия

В Краснодарском крае прослеживаемым результатом стало не решение по отдельному предложению бизнеса, а устройство самого канала взаимодействия. 23 декабря 2020 г. Законодательное Собрание края рассмотрело проект закона о порядке работы региональной ТПП с органами государственной власти. Представлял проект председатель палаты. Обоснование было вполне практическим: представители ТПП уже участвовали в рабочих группах, парламентских слушаниях и подготовке предложений, но сложившуюся практику требовалось закрепить юридически [15].

Закон Краснодарского края от 29 декабря 2020 г. № 4400-КЗ, позднее изменявшийся, перечислил формы участия палаты. Это подготовка и внесение проектов краевых законов в порядке реализации права законодательной инициативы, письменные предложения о разработке нормативных актов, работа в консультативных органах, участие в ОРВ и экспертизе действующих актов, а также привлечение к разработке региональных программ и проектов в сфере предпринимательства [3].

Документальная цепочка здесь короткая: руководитель палаты представил законопроект, закон приняли, формы участия закрепили. Получился институционально-нормативный результат третьего уровня. Но закреплён только доступ к политическому процессу, а не результат конкретного отраслевого предложения. Закон не показывает, насколько представительной была позиция палаты и как часто её последующие заключения действительно учитывались.

Реестр соглашений показывает, что формальных связей у палаты много [16]. Само количество, впрочем, почти ничего не говорит о влиянии. Нужны сведения о совместных действиях и результатах. Муниципальные процедуры ОРВ формально открыты предпринимателям [17], но постоянное участие краевой ТПП в них по доступным материалам видно заметно хуже, чем работу Уральской ТПП.

Обсуждение

Главный итог сравнения прост: право участвовать и политически значимый результат — не одно и то же. Во всех четырёх регионах палаты признаны партнёрами публичной власти, но результат возникает на разных стадиях. Москва — применение публично-правового последствия. Свердловская область — изменение правила распределения поддержки. Татарстан — использование экспертного документа судом. Краснодарский край — устройство самого канала участия. Поэтому вопрос о «влиянии ТПП вообще» слишком расплывчат. Сначала нужно уточнить стадию и тип результата.

Второй вывод: насыщенная институциональная среда ещё не делает посредника сильным. В неокорпоративистской логике функциональное представительство появляется не из одного допуска на совещание. Нужны признанный порядок формирования позиции, охват разных сегментов бизнеса и устойчивый обмен информацией и обязательствами с властью [25]. Исследования российских «работающих» бизнес-ассоциаций показывают ту же зависимость [20]. В рассмотренных случаях внешнее признание палат документировано намного лучше, чем внутренняя процедура представительства.

Самое слабое место — публичная обратная связь. Ни в одном регионе не обнаружилась регулярно публикуемая сводка предложений с мотивированными ответами разработчика. Без неё внешний наблюдатель не может проверить даже долю учтённых замечаний. Это не означает, что влияния нет. Просто его невозможно доказать. И тогда реально работающая процедура внешне почти не отличается от имитационного согласования [18].

Есть и проблема смешения ролей. Одна и та же ТПП может выражать интересы бизнеса, готовить экспертные документы, подтверждать юридически значимые обстоятельства и продвигать меры поддержки. Представительская и проверочная функции оказываются рядом. Если критерии закрыты, а роли не разведены, непрозрачность не исчезает — она просто уходит внутрь посреднического механизма.

Общие риски укладываются в довольно короткий перечень: участие ради участия, отсутствие мотивированного ответа, подмена работы форумами и соглашениями, доминирование наиболее ресурсных членов, смешение представительства с независимой проверкой. Всё это существеннее, чем число заседаний, заключений и подписанных документов.

Практические меры тоже достаточно понятны. Орган власти должен публиковать таблицу учёта предложений и объяснять, почему каждое принято или отклонено. Для МСП нужны отдельные способы выявления позиции. Стоит раскрывать и состав участников, которые эту позицию вырабатывали. В экспертном документе должны быть хотя бы описание проблемы, затронутые группы, издержки, альтернативы и ожидаемый результат. Муниципальную раздробленность можно уменьшить общими форматами обратной связи. Конфликт ролей — их нормативным разделением.

Ограничения работы задаются самими источниками. Открытые документы надёжно фиксируют правовой канал и публично заявленную активность, но редко показывают внутренние переговоры и полный путь предложения. Поэтому сравнение не выстраивает палаты по условной шкале «эффективности». Оно показывает более узкие различия: доступ, представительность, экспертную процедуру, публичность результата. Дальше потребуется другой материал — интервью, протоколы и сопоставление массивов предложений, проходивших через региональные процедуры ОРВ.

Заключение

Закрепить участие региональной ТПП в законе важно. Но для устойчивого политического посредничества этого мало. Нужно понимать, как вырабатывается общая позиция, представлены ли в ней группы с ограниченными ресурсами, насколько убедительно обоснованы предложения и видна ли реакция публичной власти. Пятиэлементная схема получила частичное подтверждение — ровно в тех пределах, которые допускают открытые документы. Хуже всего по-прежнему проверяются внутренняя представительность и обратная связь.

Сравнение Москвы, Свердловской области, Республики Татарстан и Краснодарского края выявило четыре конфигурации участия и четыре формы прослеживаемого результата: административно-правоприменительную, нормативно-отраслевую, судебно-экспертную и институционально-нормативную. Значит, юридически значимый результат может появляться на разных стадиях политического процесса. Но сила причинного вывода в этих случаях неодинакова. Системного влияния палат на региональную политику в целом они не подтверждают.

Практический вывод поэтому не в механическом расширении полномочий ТПП. Важнее другое: кто участвует во внутреннем согласовании, можно ли воспроизвести экспертную процедуру, доступна ли проверке реакция на предложения. Для политики формирования социально ответственного бизнеса это означает переход от формального включения посредника к процедуре, в которой видны интересы, аргументы сторон и основания принятого решения. Без этого участие остаётся во многом декларативным.

Литература

1. Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5340-I «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» (ред. от 12 декабря 2023 г.) // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/10102727/ (дата обращения: 01.08.2026).

2. Закон Свердловской области от 14 июля 2014 г. № 74-ОЗ «Об оценке регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов Свердловской области и проектов муниципальных нормативных правовых актов и экспертизе нормативных правовых актов…» // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/20944501/ (дата обращения: 01.08.2026).

3. Закон Краснодарского края от 29 декабря 2020 г. № 4400-КЗ «О порядке взаимодействия Союза „Торгово-промышленная палата Краснодарского края“ с органами государственной власти Краснодарского края» (с изм. от 23 декабря 2022 г. № 4814-КЗ и от 8 февраля 2024 г. № 5075-КЗ). URL: https://krasnodarpravo.ru/zakon/2020/12/29/n-4400-kz/; https://krasnodarpravo.ru/zakon/2024/02/08/n-5075-kz/ (дата обращения: 01.08.2026).

4. Законы Республики Татарстан от 28 апреля 2021 г. № 24-ЗРТ «О внесении изменений в статьи 1 и 1.1 Закона Республики Татарстан „Об установлении налоговых ставок для налогоплательщиков, применяющих упрощённую систему налогообложения“», № 25-ЗРТ «О внесении изменения в статью 3 Закона Республики Татарстан „О налоге на имущество организаций“», № 26-ЗРТ «О внесении изменения в статью 6 Закона Республики Татарстан „О транспортном налоге“». URL: https://pravo.tatarstan.ru/gossov/zakon.htm?limit=50&page=10 (дата обращения: 01.08.2026).

5. Постановление Правительства Свердловской области от 30 ноября 2023 г. № 897-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Свердловской области от 4 августа 2022 г. № 534-ПП „Об установлении Перечня продукции, необходимой для обеспечения импортозамещения…“». URL: https://www.pravo.gov66.ru/40979/ (дата обращения: 01.08.2026).

6. Решение Арбитражного суда города Москвы от 4 июня 2025 г. по делу № А40-314967/2024. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/HKfjst4ITNWJ/ (дата обращения: 01.08.2026).

7. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 февраля 2025 г. № 11АП-15938/2024 по делу № А65-14280/2024. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/uZfHeRYIvKbO/ (дата обращения: 01.08.2026).

8. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20 июня 2025 г. № Ф06-1658/2025 по делу № А65-14280/2024; постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 августа 2025 г. № 11АП-7395/2025 по тому же делу. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/mCmYYfUmyRVg/; https://sudact.ru/arbitral/doc/f4jjvnpbxoxR/ (дата обращения: 01.08.2026).

9. Департамент экономической политики и развития города Москвы. Доклад о результатах и развитии оценки регулирующего воздействия и оценки фактического воздействия в городе Москве в 2022 году. URL: https://www.mos.ru/upload/documents/files/1707/Doklad_ORV_Moskva_2022.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

10. Московская торгово-промышленная палата. Законотворческая работа МТПП ориентирована на поддержку бизнеса. 7 февраля 2025 г. URL: https://moscow.tpprf.ru/ru/news/563475/ (дата обращения: 01.08.2026).

11. Уральская торгово-промышленная палата. Оценка регулирующего воздействия. URL: https://uralcci.com/projects/21/ (дата обращения: 01.08.2026).

12. Уральская торгово-промышленная палата. Абразивные материалы включены в список импортозамещающей продукции. 12 декабря 2023 г. URL: https://uralcci.com/news/abrazivnye-materialy-vklyucheny-v-spisok-importozameshayushij-produkcii/ (дата обращения: 01.08.2026).

13. ООО «Верное решение». Страница Комитета ТПП Республики Татарстан по развитию промышленной инфраструктуры и преференциальных территорий: материалы о предложениях Министерству экономики Республики Татарстан от 29 января 2021 г. URL: https://xn----dtbhaacat8bfloi8h.xn--p1ai/committee-tpprt-development-industrial-parks (дата обращения: 01.08.2026).

14. Торгово-промышленная палата Республики Татарстан. Выгодная логистика, инфраструктура, натуральные продукты и площадки для производителей: сообщение о подписании соглашений 4 марта 2021 г. 5 марта 2021 г. URL: https://tatarstan.tpprf.ru/ru/news/402684/; Соглашения о сотрудничестве. URL: https://tatarstan.tpprf.ru/ru/soglasheniya-o-sotrudnichestve/ (дата обращения: 01.08.2026).

15. Новороссийская торгово-промышленная палата. Взаимодействие ТПП Краснодарского края с органами

государственной власти закреплено законодательно. 24 декабря 2020 г. URL: https://www.ntpp.biz/press/new.php?ID=16852 (дата обращения: 01.08.2026).

16. Союз «Торгово-промышленная палата Краснодарского края». Реестр соглашений о сотрудничестве. URL: https://kuban.tpprf.ru/ru/reestr-soglasheniy-o-sotrudnichestve/ (дата обращения: 01.08.2026).

17. Инвестиционный портал города Краснодара. Оценка регулирующего воздействия. URL: https://invest.krd.ru/ru/predprinimatelyu/otsenka-reguliruyushchego-vozdeystviya/ (дата обращения: 01.08.2026).

18. Волошинская А.А. Оценка регулирующего воздействия в России и в мире: одно сходство и семь различий // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 49. С. 52–74.

19. Дегтярёв А.А., Давыдов П.М., Тетерюк А.С. Корпоративная политическая активность и публичная политика компаний в системе публичного менеджмента // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2026. Т. 28, № 1. С. 186–200. DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-186-200.

20. Зудин А.Ю., Яковлев А.А. «Подснежники» или незаменимые посредники? Сектор «работающих» бизнес-ассоциаций России (по данным качественного исследования) // Мир России. 2011. Т. 20, № 3. С. 95–124.

21. Климов И.И. Торгово-промышленная палата Российской Федерации как внепарламентский актор законодательного процесса: политологический анализ: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2013. 26 с.

22. Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: эволюция отношений. М.: Наука, 2003. 352 с.

23. Яковлев А.А., Зудин А.Ю. Бизнес-ассоциации в России: внутренняя структура, эволюция отношений с государством, роль в модернизации экономики. М.: МОНФ, 2010. 190 с.

24. Scherer A.G., Palazzo G. The New Political Role of Business in a Globalized World — A Review of a New Perspective on CSR and Its Implications for the Firm, Governance, and Democracy // Journal of Management Studies. 2011. Vol. 48, no. 4. P. 899–931. DOI: 10.1111/j.1467-6486.2010.00950.x.

25. Schmitter P.C. Still the Century of Corporatism? // The Review of Politics. 1974. Vol. 36, no. 1. P. 85–131. DOI: 10.1017/S0034670500022178.

26. Yin R.K. Case Study Research and Applications: Design and Methods. 6th ed. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2018. 352 p.

Regional chambers of commerce and industry in Russia's public policy for socially responsible business: legal institutionalization and traceable outcomes

Borovsky M.B.
Russian University of Transport" (RUT (MIIT))

This article asks what role regional chambers of commerce and industry actually play in Russia's public policy for socially responsible business. A chamber's legal right to participate in drafting and reviewing regulations does not, on its own, show either broad business representation or real influence on public decisions. Chambers are therefore treated as potential intermediaries whose effectiveness must be demonstrated in each case. The analysis uses a two-dimensional model that compares a chamber's external recognition by public authorities with the internal representativeness of the position it advances. The evidence is grouped into three levels: the existence of an institutional channel, publicly documented activity, and a traceable outcome. Materials from Moscow, Sverdlovsk Region, the Republic of Tatarstan, and Krasnodar Territory for 2014–2025 reveal four participation configurations and four forms of documented outcome. The cases differ substantially in the strength of causal inference. The least transparent part of the process remains the way chambers aggregate interests internally. The article concludes with proposals aimed at making participation more representative, transparent, and open to verification.

Keywords: chambers of commerce and industry; political intermediation; functional interest representation; socially responsible business; regulatory impact assessment; regional policy; public accountability.

References

1. Law of the Russian Federation No. 5340-I of 7 July 1993 on Chambers of Commerce and Industry, as amended on 12 December 2023. (In Russ.)
2. Law of Sverdlovsk Region No. 74-OZ of 14 July 2014 on Regulatory Impact Assessment and Expert Review of Regulatory Legal Acts. (In Russ.)
3. Law of Krasnodar Territory No. 4400-KZ of 29 December 2020 on the Interaction of the Regional Chamber of Commerce and Industry with State Authorities, as amended in 2022 and 2024. (In Russ.)
4. Laws of the Republic of Tatarstan No. 24-ZRT, No. 25-ZRT, and No. 26-ZRT of 28 April 2021 on regional tax benefits related to SMEs using industrial-park infrastructure in municipal districts. (In Russ.)
5. Resolution of the Government of Sverdlovsk Region No. 897-PP of 30 November 2023 amending the List of Products Required for Import Substitution. (In Russ.)
6. Judgment of the Arbitration Court of the City of Moscow of 4 June 2025, case No. A40-314967/2024. (In Russ.)
7. Ruling of the Eleventh Arbitration Court of Appeal of 10 February 2025, case No. A65-14280/2024. (In Russ.)
8. Ruling of the Arbitration Court of the Volga District of 20 June 2025 and ruling of the Eleventh Arbitration Court of Appeal of 14 August 2025, case No. A65-14280/2024. (In Russ.)
9. Department of Economic Policy and Development of the City of Moscow. Report on Regulatory Impact Assessment and Actual Impact Assessment in Moscow, 2022. (In Russ.)
10. Moscow Chamber of Commerce and Industry. The Legislative Work of the MCCI Is Aimed at Supporting Business. 7 February 2025. (In Russ.)
11. Ural Chamber of Commerce and Industry. Regulatory Impact Assessment. (In Russ.)
12. Ural Chamber of Commerce and Industry. Abrasive Products Included in the Import-Substitution List. 12 December 2023. (In Russ.)
13. Vernoe Reshenie LLC. Web Page of the Committee of the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tatarstan for Industrial Infrastructure and Preferential Territories: Materials on Proposals to the Ministry of Economy of the Republic of Tatarstan, 29 January 2021. (In Russ.)
14. Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tatarstan. Report on Cooperation Agreements Signed on 4 March 2021; Register of Cooperation Agreements. (In Russ.)
15. Novorossiysk Chamber of Commerce and Industry. Interaction of the Chamber of Commerce and Industry of Krasnodar Territory with State Authorities Established by Law. 24 December 2020. (In Russ.)
16. Chamber of Commerce and Industry of Krasnodar Territory. Register of Cooperation Agreements. (In Russ.)
17. Investment Portal of the City of Krasnodar. Regulatory Impact Assessment. (In Russ.)
18. Voloshinskaya A.A. Regulatory Impact Assessment in Russia and in the World: One Similarity and Seven Differences. Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik, 2015, no. 49, pp. 52–74. (In Russ.)
19. Degtyarev A.A., Davydov P.M., Teteryuk A.S. Corporate Political Activity and Public Policy of Companies in the System of Public Management. RUDN Journal of Political Science, 2026, vol. 28, no. 1, pp. 186–200. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-1438-2026-28-1-186-200.
20. Zudin A.Yu., Yakovlev A.A. "Snowdrops" or Indispensable Intermediaries? The Sector of "Working" Business Associations in Russia (Based on Qualitative Research). Mir Rossii, 2011, vol. 20, no. 3, pp. 95–124. (In Russ.)
21. Klimov I.I. The Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation as an Extra-Parliamentary Actor in the Legislative Process: A Political Science Analysis. Abstract of Cand. Sci. (Political Science) Dissertation. Moscow, 2013. 26 p. (In Russ.)
22. Peregudov S.P. Corporations, Society, and the State: The Evolution of Relations. Moscow: Nauka Publ., 2003. 352 p. (In Russ.)
23. Yakovlev A.A., Zudin A.Yu. Business Associations in Russia: Internal Structure, Evolution of Relations with the State, and Their Role in Economic Modernization. Moscow: MONF Publ., 2010. 190 p. (In Russ.)
24. Scherer A.G., Palazzo G. The New Political Role of Business in a Globalized World — A Review of a New Perspective on CSR and Its Implications for the Firm, Governance, and Democracy. Journal of Management Studies, 2011, vol. 48, no. 4, pp. 899–931. DOI: 10.1111/j.1467-6486.2010.00950.x.
25. Schmitter P.C. Still the Century of Corporatism? The Review of Politics, 1974, vol. 36, no. 1, pp. 85–131. DOI: 10.1017/S0034670500022178.
26. Yin R.K. Case Study Research and Applications: Design and Methods. 6th ed. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2018. 352 p.